

Максим Горький

Дружки

Максим Горький

Дружки

«Public Domain»

1898

Горький М.

Дружки / М. Горький — «Public Domain», 1898

«Одного из них звали Пляши-нога, а другого – Уповающий; оба они были воры. Жили они на окраине города, в слободе, странно разметающейся по оврагу, в одной из ветхих лачуг, слепленных из глины и полусгнившего дерева, похожих на кучи мусора, сброшенные в овраг. Воровать дружки ходили в ближайшие к городу деревни, ибо в городе воровать трудно, а в слободке у соседей украсть было нечего...»

Максим Горький

Дружки

Одного из них звали Пляши-нога, а другого – Уповающий; оба они были воры.

Жили они на окраине города, в слободе, странно разметающейся по оврагу, в одной из ветхих лачуг, слепленных из глины и полусгнившего дерева, похожих на кучи мусора, сброшенные в овраг. Воровать дружки ходили в ближайшие к городу деревни, ибо в городе воровать трудно, а в слободке у соседей украсть было нечего.

Оба они люди скромные: стащат кусок полотна, армяк или топор, сбрую, рубаху или курицу и уже долго потом не посещают деревню, в которой им удалось что-нибудь «слямзить».

Но, несмотря на такой умный образ действий, подгородные мужики хорошо знали их и грозились, при случае, избить до смерти. Однако такого случая не представлялось мужикам, и кости двух друзей были целы, хотя уже лет шесть кряду друзья слушали угрозы мужиков.

Пляши-нога был человек лет сорока, высокий, сутулый, худой и жилистый. Он ходил, опустив голову к земле, заложив за спину длинные руки, шагая неторопливо, но широко, и на ходу он всегда оглядывался по сторонам озабоченно прищуренными, беспокойно зоркими глазами.

Волосы на голове он стриг, бороду брил; густые, сивые солдатские усы закрывали ему рот, придавая лицу его ошетилившееся, суровое выражение. Левая нога у него, должно быть, была вывихнута или сломана и срослась так, что стала длиннее правой; когда он, шагая, поднимал её, она у него подпрыгивала в воздухе и виляла в сторону; эта особенность походки и дала ему прозвище.

Уповающий был старше товарища лет на пять, ниже ростом, шире в плечах. Он часто и глухо кашлял, лицо его, скуластое, обросшее большой чёрной с проседью бородой, покрывала болезненная желтизна. Глаза у него большие, чёрные, а смотрели виновато, ласково. На ходу он складывал губы сердечком и тихо насвистывал песню, печальную, всегда одну и ту же. На плечах у него болталась короткая одёжина из разноцветных лохмотьев – что-то похожее на ватный пиджак; а Пляши-нога ходил в длинном сером кафтане, подпоясанном кушаком.

Уповающий был крестьянином, его товарищ – сын пономаря, бывший лакей и маркёр. Их всегда видели вместе, и крестьяне говорили при виде их:

– Опять дружки появились – гляди в оба!

А дружки шли где-нибудь просёлочной дорогой, зорко поглядывая по сторонам и избегая встреч. Уповающий кашлял и насвистывал свою песню; а нога его товарища плясала в воздухе, как бы стремясь оторваться и убежать в сторону с опасного пути своего хозяина. Или они лежали где-нибудь на опушке леса, во ржи, в овраге и тихо разговаривали о том, как украсть, чтобы поесть.

Зимой даже и волки, – более приспособленные к борьбе за свою жизнь, чем два друга, – плохо живут. Тощие, голодные и злые, они рыскают по дорогам, и хотя их убивают, но – боятся: у них есть когти и зубы для самозащиты, сердца их ничем не смягчены. Последнее очень важно, ибо для того, чтобы побеждать в борьбе за существование, человек должен иметь или много ума, или сердце зверя.

Зимой дружкам приходилось плохо; зачастую оба они выходили по вечерам на улицы города и просили милостыню, стараясь не попадаться на глаза полиции.

Очень редко удавалось им украсть что-нибудь; ходить по деревням неудобно и холодно, и на снегу оставались следы, да и бесполезно посещать деревни, когда всё в них заперто и занесено снегом. Много сил теряли товарищи зимой, борясь с голодом, и, может быть, никто не ждал весны так жадно, как они ждали её...

Но вот, наконец, подходила весна. Они, истощённые, полубольные, вылезали из своего оврага, радостно смотрели на поля, где с каждым днём быстрее таял снег, являлись бурые проталины, лужи блестели, как зеркала, и весело журчали ручьи. Солнце лило на землю свои тёплые ласки, оба друга грелись в его лучах, рассуждая о том, как скоро просохнет земля и когда, наконец, можно будет идти по деревьям «стрелять». Часто Уповающий, страдавший бессонницей, будил своего друга ранним утром и радостно объявлял ему:

– Эй! Вставай – грачи прилетели!

– Прилетели?

– Ей-богу! Слышишь, галдят?

Выйдя из своей лачуги, они со вниманием и подолгу следили, как чёрные вестники весны вили новые гнёзда, исправляли старые, наполняя воздух громким, озабоченным криком...

– Теперь за жаворонками очередь, – говорил Уповающий, принимаясь чинить старую, полусгнившую сеть.

Являлись жаворонки; товарищи шли в поле, ставили сеть на одной из проталин и, бегая по полю, мокрые и грязные, гнали под сеть голодных и утомлённых перелетом птиц, искавших корма на сырой, только что освободившейся из-под снега земле. Наловив птичек, они продавали их по пятаку и гривеннику за штуку. Потом являлась крапива, которую они собирали и тащили на базар торговкам овощами. Почти каждый день весны давал им что-нибудь новое, – новый, хотя и маленький заработок. Они умели всем пользоваться: верба, щавель, шампиньоны, земляника, грибы – ничто не миновало их рук. Солдаты выходили на стрельбу, – друзья, после окончания стрельбы, рылись в валах, отыскивая пули, которые потом продавали по двенадцати копеек за фунт. Все эти занятия, хотя и не позволяли друзьям умереть с голоду, но очень редко давали им возможность насладиться чувством сытости, – приятным чувством полноты желудка и горячей работой его над проглоченной пищей.

Однажды, в апреле, когда на деревьях ещё только наливаются почки и леса стоят подёрнутые сизым сумраком, а на бурых, жирных полях, облитых солнцем, чуть-чуть пробивается трава, – друзья шли по большой дороге, шли и, куря самодельные папиросы из махорки, разговаривали.

– Всё гуще ты кашляешь!.. – спокойно предупреждал Пляши-нога товарища.

– Это – наплевать!.. Вот солнышком меня подогреет – и я оживу...

– Мм... А то, может, сходить бы тебе в больницу...

– Ну! На что она мне? Коли помереть надо, и так помру.

– Это конечно...

Они шли мимо берёз по тракту, и берёзы бросали на них узорчатые тени своих тонких ветвей. Воробьи прыгали по дороге, оживлённо чирикавая.

– Ходить ты плохо стал, – помолчав, заметил Пляши-нога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.